

ЭТНАГРАФІЯ І ФАЛЬКЛОР

10. У палявых этнаграфічных запісах сустракаюцца аповяды пра такую катэгорыю адхіленняў, як летаргічны сон. Звязваюць яго з “абміраннямі”, угарам, ударам перуна, пападаннем у віхор, але ж дзейснай практыкі па лячэнню народная медыцына не прапануе (акрамя адзінкавых дзеянняў).

ЛІТАРАТУРА

1. Валодзіна, Т.В. Народная медыцына / Т.В. Валодзіна // Ідэнтыфікацыя і інвентарызацыя нематэрыяльнай культурнай спадчыны : практ. кіраўніцтва / А. Сташкевіч [і інш.]. – Мінск : Ін-т культ. Беларусі, 2013. — С. 70–80.
2. Валодзіна, Т.В. Хвароба / Т.В. Валодзіна // Беларуская міфалогія: энцыкл. слоўнік / С.І. Санько [і інш.]. – Мінск : Беларусь, 2004. – С. 530–531.
3. Вяргеенка, С.А. «На моры-акіяне, на востраве Буяне...» (лекавыя замовы Гомельшчыны) : фальк-этнаграф. зб. / С.А. Вяргеенка; М-ва адукацыі РБ, Гомель. дзярж. ун-т ім. Ф. Скарыны. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2009. – 220 с.
4. Вяргеенка, С.А. Хрэстаматыя : вучэб. дапам. па раздзеле “Замовы” для студ. спецыяльнасці 1-21 05 01 “Беларуская філалогія” / уклад., сістэм. тэкстаў, уступ. арт. С.А. Вяргеенка – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2010. – 66 с.
5. Денков, В. На грани жизни / В. Денков ; пер. с болг. И. М. Сабуровой. — М. : «Знание», 1988. – 192 с.
6. Запісана аўтарам ад Дзям’янавай Лідзіі Ягораўны, 1939 г.н., у в. Захарнічы Полацкага р-на Віцебскай в-ці, у 2010 г.
7. Запісана аўтарам ад Дрозд Соф’і Архіпаўны, 1935 г.н., у в. Мазуліна Ушацкі р-на Віцебскай в-ці, у 2009 г.
8. Запісана экспедыцыяй ПДУ ад Бубновай Ніны Віктараўны, 1932 г.н., у в. Рабчонкі Полацкага раёна Віцебскай в-ці, у 2006 г.
9. Запісана экспедыцыяй ПДУ ад Захаровіч Ганны Анісімаўны, 1922 г.н.
10. Запісана экспедыцыяй ПДУ ад Кобы Ніны Кузмінічны, 1932 г., у в. Віляцічы Барысаўскага р-на Мінскай в-ці.
11. Запісана экспедыцыяй ПДУ ад Своток Марыі Міхалаўны, 1941 г.н., у в. Бірулі Докшыцкага р-на Віцебскай в-ці, у 2009 г.
12. Запісана экспедыцыяй ПДУ ад Хілько Лідзіі Грыгораўны, 1926 г.н., у в. Бірулі Докшыцкага р-на Віцебскай в-ці, у 2009 г.
13. Лобач, У.А. Полацкі этнаграфічны зборнік / склад. А.У.Лобач, У.С.Філіпенка. – Вып. 1: Народная медыцына беларусаў Падзвіння : у 2 ч. – Ч. 1. – Наваполацк : ПДУ, 2006. – 148 с.
14. Лобач, У.А. Полацкі этнаграфічны зборнік / склад. А.У.Лобач, У.С.Філіпенка. – Вып. 1 : Народная медыцына беларусаў Падзвіння : у 2 ч. – Ч. 2 – Наваполацк : ПДУ, 2006. – 332 с.
15. Лобач, У.А. Полацкі этнаграфічны зборнік / уклад., прадм. і паказ. У.А. Лобача. – Вып. 2 : Народная проза беларусаў Падзвіння : у 2 ч. – Ч. 1. – Наваполацк : ПДУ, 2011. – 292 с.
16. Лобач, У.А. Полацкі этнаграфічны зборнік. – / уклад., прадм. і паказ. У.А. Лобача. – Вып. 2 : Народная проза беларусаў Падзвіння : у 2 ч. – Ч. 2. – Наваполацк : ПДУ, 2011. – 368 с.
17. Мур, Б., Психоаналитические термины и понятия / Б. Мур, Б. Файн // Библиотека Гумер [Электронны рэсурс]. – 2009. – Рэжым доступу : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Mur/26.php – Дата доступу : 12.03.2013.
18. Народная медыцына: рытуальна-магічная практыка. Беларуская народная творчасць / уклад., прадм. і паказ. Т.В. Валодзінай; навук. рэд. А.С. Ліс. – Мінск : Беларус. навука, 2007. – 776 с.
19. Никифоровский, Н.Я. Очерки простонародного жителя-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности / Н.Я. Никифоровский // Этнографические данные. – Витебск, 1895. – 684 с.
20. Никифоровский, Н.Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах местах ... Витебской Белоруссии / Н.Я. Никифоровский. – Витебск, 1897. – 307 с.
21. Сержпутоўскі, А.К. Русальная нядзеля. Прычкі і забабоны беларусаў-палешукоў / А.К. Сержпутоўскі; літ. апрац. У.К. Касьюк. – Мінск : Выш.шк., 2009. – 478 с.
22. Солопова, М.А. Возникновение науки о снах и сновидениях в Древней Греции / М.А. Солопова // Симпозиум. Сайт об античной литературе, античной истории и людях античности. [Электронны рэсурс]. – 2012. – Рэжым доступу : <http://simposium.ru/ru/node/10214>. – Дата доступу : 12.03.2013.

УДК 39.001

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРЕДМЕТЕ И ЗАДАЧАХ БЕЛОРУССКОЙ ЭТНОЛОГИИ В УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

канд. ист наук, доц. С. А. ЗАХАРКЕВИЧ
Белорусский государственный университет, Минск

Проведен анализ эволюции представлений о предмете и задачах Белорусской этнологии в учебной литературе. Несмотря на достаточно широкие определения этнографии / этнологии, сформулированные в учебной литературе, в реальности предметное поле отечественной этнографии / этнологии

в целом сводится либо к изучению традиционной культуры, либо к исследованию ее пережитков на современном этапе.

В отечественной традиции вопрос о предмете и задачах этнологии, их эволюции специально практически не поднимался [9]. В учебной литературе, в специальных тематических статьях или во введении к академическим монографиям данный вопрос освещался, но, как правило, в виде жесткой констатации определений, не требующих и не терпящих дополнительных толкований. Однако в настоящее время возникла настоятельная необходимость в дискуссии и рефлексии по поводу предметной области этнологии и анализе подходов к ее пониманию в белорусской научной традиции. Во многом такая потребность обусловлена современным развитием гуманитарного знания в мире в целом и в Беларуси в частности. С одной стороны, появилось множество междисциплинарных направлений в рамках существующих «традиционных» гуманитарных наук (историческая антропология, устная история, гендерная история, понимающая социология и др.), которые широко используют методологию и теоретическую базу этнологии. С другой стороны, возникли «новые» отрасли знаний (культурология), которые постепенно распространяют свое «влияние» на традиционные (и даже никем не оспариваемые) для этнологии объекты исследования [11]. В ходе такого процесса «колонизации» исследовательского пространства указанные научные традиции, науки и научные направления, пересекаясь с этнологией, вырабатывают к ней собственное отношение (понимание). Как правило, это отношение-понимание складывается из целого комплекса знаний, в котором не последнюю роль занимают учебный процесс в ходе получения представителями этих научных направлений высшего образования, а также учебная литература, справочное обращение к которой культивируется этим же учебным процессом. В таких условиях собственная «картина мира», которую формулируют отечественные этнологи, получает двойное назначение. Во-первых, с ее помощью определяются формальные «внутренние» границы науки, понимание которых необходимо самим этнологам. Во-вторых, это же «административно-территориальное деление» используется для формирования «внешних» границ и представлений об этнологии у смежных гуманитарных научных традиций.

Чтобы иметь представление о конкретной науке, необходимо определить ее границы. Важными элементами этого процесса является название самой науки (ее «этноним»), а также «о-предел-ение» науки – выяснение ее пределов [3, с. 8]. Одним из самых наглядных и репрезентативных источников этого процесса в отечественной этнологии является учебная литература для вузов, которая, по сути, и предназначена для усвоения студентами тезауруса и основного проблемного поля этнологии.

Понимание эволюции предмета этнологии в белорусской традиции не может быть проведен без учета факта глубокого влияния на отечественную этнологическую науку российской (дореволюционной и современной) и советской (понимая достаточную условность такой терминологии) научной традиции. Такой ситуации способствовало несколько причин:

1. Отсутствие в Беларуси до 1921 г. учреждения высшего образования, в котором бы велось преподавание этнографии / этнологии.
2. Жесткая централизованность науки в СССР, что во многом лишало белорусскую этнографию / этнологию самостоятельности, инициативности и определенной смелости в вопросах теоретического осмысления собственной науки.
3. Длительное отсутствие в Беларуси (до 1981 г.) собственных учебников и учебных пособий по этнографии / этнологии.

Таким образом, развитие теоретических представлений в отечественной этнографии / этнологии находилось и находится в тесной связи с российской научной традицией. Поэтому, учитывая тот факт, что обучение этнографии / этнологии в Беларуси до 1981 г. проводилось исключительно посредством русской и советской учебной литературы, анализ эволюции представлений о предмете и задачах белорусской этнографии / этнологии необходимо начинать именно с российской научной традиции в учебной литературе.

В конце XIX в. в Российской империи лекции по этнографии спорадически читали: Д.Н. Анучин в Московском университете (с 1884 г.); Э.Ю. Петри в Санкт-Петербургском университете (с 1888 г.); В.М. Михайловский отдельные лекции по этнографии в Московском университете (1892 – 1896 гг.), Д.А. Коропчевский на Женских педагогических курсах (до 1903 г.). В качестве основных учебных пособий использовались переводные работы О. Пешеля, Э. Тайлора и Дж. Леббока [4, с. 147]. Первый систематический курс лекций по этнографии в России был прочитан в 1896 г. Николаем Харузиным в Московском университете. Впоследствии Н. Харузиным был подготовлен первое в России учебное пособие по этнографии – курс лекций «Этнография», который посмертно был издан с 1901 по 1905 гг. в четырех выпусках. «Лекции Н.Н. Харузина являются первым трудом на русском языке, приводящем в систему

ЭТНАГРАФІЯ І ФАЛЬКЛОР

изучение этнографических явлений» [12, с. IX]. В 1936 г. Д.К. Зеленин писал: «4-х томный курс лекций Харузина по общей этнографии, насыщенный фактическим материалом, остается до сих пор непревзойденным. Из советских книг с ним можно сопоставить лишь курс этнологии Преображенского, отнюдь не заменивший курс книги Харузина – не только по привлеченному материалу, но даже отчасти и по свежим установкам» [4, с. 291]. В.В. Богданов писал, что «Н.Н. Харузин был первым лектором на кафедре этнографии в русском университете, а до него эта наука лишь частично входила в некоторые курсы других профессоров» [4, с. 279; 2, с. 115].

В своем курсе лекций Н. Харузин одним из первых в российской этнографии / этнологии поднял проблему определения науки, ее предмета и задач¹. Возьму на себя смелость привести довольно обширную цитату из начала цикла лекций Н. Харузина об этнографии: «Наука этнография – наука новая. Она еще не успела завоевать себе равноправного положения среди старших сестер, и не цели, ни пределы ее, ни даже само название ее, еще не определены вполне и являются спорными: одни ее называют этнографией, другие этнологией, иные считают ее частью антропологии, или частью истории, или наконец смешивают ее с социологией. Некоторые ученые считают ее наукой естественно-исторической, другие причисляют ее к общественным наукам.

Такая же неопределенность господствует и относительно ее пределов, целей и задач. В то время как одни ограничивают этнографию исключительно описанием разных племен и народов, другие расширяют ее пределы до науки о человечестве» [12, с. 12 – 13]. После прочтения этих строк возникает впечатление о абсолютной современной актуальности мысли автора, которой почти 120 лет!

В размышлении о предмете этнологии, Н. Харузин обратил внимание на то, что многие исследователи называли этнографией (Рони и Веррье) и антропологией (Тайлор, Вайтц, Герланд) одну и ту же науку: «первые считают антропологию естественной наукой, помогающей этнографии, а вторые – этнографию частью антропологии» [12, с. 14]. Далее Харузин обратил внимание на существование третьего подхода, распространенного в Германии и Франции, – этимологического – основывающего определение этнографии на этимологическом разборе названия науки. В буквальном переводе этнография – описание народов (с *греч.* этнос – народ, графо – писать). Исходя из этого подхода, по мнению Н. Харузина, этнография является «...областью знаний исключительно описательного характера, она не может являться наукой, но, для удобства обзора различные группы народностей, этнография должна приводить собранные материалы в известную систему. Этим роль ее ограничивается... благодаря собранному этнографией материалу ... возникает новая наука – этнология (с *греч.* этнос – народ, логос – наука), т.е. наука о народах, или, что то же, о законах, регулирующих развитие последних» [12, с. 15].

Н. Харузин настаивал на мысли о том, что нет никакой разницы, как называть науку – этнографией, этнологией или антропологией. По его мнению, этнография ничем не хуже, а может даже лучше иных названий. Его доводы и аргументы выглядят довольно убедительными. Однако он забыл (вернее не знал еще) о символическом ресурсе названий. Очевидно, что западный термин «социально-культурная антропология» имеет больший успех, особенно при условии стремления многих исследователей быть zaangażированным в западное научное сообщество.

Впоследствии определение этнографии, данное Н. Н. Харузиным, подверглось серьезной критике со стороны части коллег. Одним из первых в 1901 г. на некоторые нестыковки определения обратил внимание Д.Н. Анучин. Он упрекал автора в неправомерности употребления термина «законы развития человечества», когда речь идет скорее о сравнительно-историческом изучении форм материальной и духовной культуры народов, (...) ее аналогий и особенностей в различных частях земного шара [4, с. 279; 1, с. 1]. В 1902 г. в Антропологическом обществе при Санкт-Петербургском университете этнографом Н.М. Могиляским был прочитан реферат, посвященный выходу первого выпуска лекций Н. Харузина. В нем главное внимание было уделено тому, как определялись цели и предмет этнографии. По мнению Н.М. Могилянского определение этнографии Н. Харузина больше относится к истории культуры, а народ, этнос с его «типическими особенностями остается лишь вспомогательным материалом» [цит. по: 4, с. 286; 7, с. 4].

Хронологически следующим учебным пособием по этнографии в России стали лекции В.Н. Харузиной, впервые изданные в 1907 г. На страницах журнала «Этнографическое обозрение» (№ 3) была напечатана вступительная лекция к курсу этнографии «Историческое развитие этнографии», про-

¹ Речь идет об учебной литературе. Вопрос о предмете, задачах и принципах этнографии ставился еще ранее. В 1889 г. Д.Н. Анучин опубликовал статью «О задачах русской этнографии» в первом номере журнала «Этнографическое обозрение», где впервые были освещены указанные проблемы. Однако данная работа не входит в предмет анализа моей статьи.

читанная на Высших женских курсах в Москве 9 октября 1907 г. В 1909 г. был издан первый выпуск курса лекций (Введение и Описание «верований малокультурных народов»), а в 1914 г. – второй выпуск – «Приемы изучения явлений материальной культуры: Жилище, Одежда, Украшения, Пища». В 1941 г. (через десять лет после смерти) в Москве был издан курс лекций «Введение в этнографию: Описание и классификация народов земного шара» [13, с. 27].

Во вступлении к первой лекции своей «Этнографии» В.Н. Харузина писала, что «ей (истории – авт.) приходится обращаться к этнографии, *изучающей культуру* именно тех народов, которые стоят на более низких ступенях развития» [13, с.30], что «... этнография... открыла культуру» [13, с. 31].

Во второй лекции в обсуждении целей и задач этнографии В. Н. Харузина приводит идею А. Бастиана о том, что «задачей этнологии является изучение основных законов, по которым создавалось человеческое общество» [13, с. 40]. Она считала, что нельзя говорить об универсальности этнологии, а следует найти специфический объект изучения: «каждая наука непременно должна специализироваться» [13, с. 41]. В конце лекции размышляя о принадлежности этнографии к естественным или общественным наукам, она снова повторяет, что «этнография изучает культуру, не только у одной части человечества – у народов, стоящих на низшей ступени культуры» [13, с. 44].

С.М. Широкогоров в своей работе «Этнос: исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений» отходит от трактовки этнографии как науки о культуре примитивных народов: «несомненно, что цивилизованные нации европейского цикла, наряду со всеми остальными этносами, должны будут также войти, как материал и объект изучения, в общую этнографию» [15, с. 25]. Он предполагал, что наступит момент, когда появится «этнография европейцев», «этнография парижан» или «этнография берлинцев» [15, с. 26]. Несмотря на то, что главным объектом своего анализа С.М. Широкогоров избрал этнос (что уже заметно даже в названии), он считал, что этнография изучает человека в отношении его культуры [15, с. 31]. В конце второй главы, подводя итог анализу места и роли этнографии в системе наук, С.М. Широкогоров приходит к выводу о том, что «три науки (антропология, этнография и языкознание) в своих выводах, в создании общих им всем законов, объединяются молодой наукой – этнологией, которая ставит целью своей открытии связи между различными сторонами человека, изучаемого антропологией, этнографией и языкознанием, и установление законов, коим подчиняется жизнь отдельных этносов... Этнология есть наука об этносе, как форме, в которой развилось и живет человечество» [15, с. 33].

П.Ф. Преображенский издал учебник «Курс этнологии» в 1929 г. на основе своего курса лекций, прочитанных на этнологическом факультете Московского государственного университета. В первой главе он подчеркнул тот факт, что «достижения этнологии как науки в настоящее время находятся в чрезвычайно расплывчатом и не всегда удобном для изучения состоянии» [10, с. 5]. Там где брат и сестра Харузины отмечали академическое становление этнографии в XIX в., там Преображенский видел становление этнологии [10, с. 6]. По его мнению, этнолог – это «...ученый теоретик, целью которого было изучение быта и жизни этих (колонизальных – авт.) народов и определение места, которое они занимают в развитии человеческого общества...» [10, с. 7]. Впоследствии, анализируя историю развития этнологии, П.Ф. Преображенский приходит к выводу, что «перед этнологом стоит задача построить историю всех культур, существующих на земле, историю взаимоотношения этих культур...» [10, с. 26].

Первое белорусское учебное пособие «Этнография Белоруссии» было подготовлено известным белорусским этнологом М.Ф. Пилипенко в 1981 г. Важным представляется тот факт, что оно было рекомендовано студентам исторических факультетов вузов Министерством высшего и среднего специального образования БССР. М.Ф. Пилипенко во введении своего пособия определяет этнографию как «историческую науку, изучающую народы, их культуру и быт» [8, с. 3]. Далее М.Ф. Пилипенко раскрывает понятия народ, культура и быт, подчеркивая, что «каждый народ создает свою культуру и быт (устоявшиеся формы общественной и личной жизни людей)» [8, с. 3]. Таким образом, в данном определении этнографии нет самоограничения науки лишь рамками ярко выраженных этнических характеристик народа, заключенных в традиционной культуре. Автор выделил несколько основных проблем белорусской советской этнографии: история этнографического изучения Беларуси; изучение этнической истории Беларуси; изучение современных этнических процессов на территории Беларуси; история традиционных форм хозяйства и материальной культуры, общественного и семейного быта, духовной культуры; «исследование социалистического быта рабочего класса и колхозного крестьянства Белоруссии» [8, с. 10].

В 1996 г. увидело свет еще одно учебное пособие по этнографии «Этнаграфічная спадчына. Беларусь. Краіна і людзі», автором которого стал известный белорусский этнограф В. С. Титов. Пособие носило также методический характер: в конце были приложения и вопросы и задания в каждом разделе.

Пособие было рекомендовано Министерством образования и науки Республики Беларусь. Во введении В. С. Титов дал определение этнографии: «наука о народах-этнусах, их происхождении и жизнедеятельности, быте и культурных традициях» [10, с. 3]. Автор обращает внимание на существование и использование двух параллельных терминов, обозначающих науку – этнография и этнология. Примечателен правда тот факт, что В.С. Титов подчеркнул новизну термина «этнология»: «в последние годы параллельно с этим названием (этнография – авт.) в специальной литературе все чаще используется термин «этнология», что определяет этнографию как теоретическую дисциплину в отличие от описательной» [10, с. 3]. Таким образом, В.С. Титов опять повторяет этимологический подход к названию науки, с аргументированной критикой которого выступал еще Харузин. В отличие от учебного пособия М.Ф. Пилипенко, В.С. Титов дает четкое описание структуры этнографии / этнологии: «основными разделами (...) этнографической науки являются этногенез, этническая история, традиционно-бытовая культура, этнические и этносоциальные процессы, в том числе и национальные взаимоотношения» [10, с. 3]. Однако именно эта четкость, по-видимому, и сужает предмет этнографии / этнологии в понимании В.С. Титова до традиционной культуры, оставляя без внимания автора городскую культуру, множество субкультуры и в целом современную культуру.

Отдельное внимание хотелось бы обратить на учебно-методические пособия полоцкого исследователя В.А. Лобача. В 2006 г. был издан учебно-методический комплекс «Этнография Беларуси», а в 2009 г. УМК «Этнология». В введении первой работы В.А. Лобач обратил внимание на проблемы этнографического образования в Беларуси. Во-первых, по его мнению, «традиционная белорусская культура рассматривалась в основном в ретроспективном ключе, как наследие деревенской общности прошлых столетий, которое не имеет непосредственной связи с современной национальной культурой Беларуси» [5, с. 3]. По мнению автора, это формирует у студентов «чувство отчужденности и дистанции относительно ценностей белорусского традиционного общества» [5, с. 3]. Во-вторых, в отечественной этнологической науке преобладал материалистический подход. В-третьих, В.А. Лобач одним из первых актуализировал проблему «катастрофического разрыва между большим количеством высокопрофессиональных научных исследований и практически полным отсутствием учебной литературы: за все время вышел только один учебник по белорусской этнографии...» [5, с. 4]. Этнографию автор рассматривает как «историческую науку, которая исследует происхождение и этническую историю народа, изучает формирование специфических особенностей его культуры, быта, социальной организации и психологии (ментальности)» [5, с. 17]. Необходимо отметить, что, как и у большинства авторов учебников по этнографии и этнологии, в определении В.А. Лобача нет сужения предметной области науки лишь к изучению традиционной культуры, однако в последующем тексте это очевидно прослеживается. Так, при формулировании предмета этнографии автор обращает внимание на то, что «предметом этнографии выступает культура народа и в основном та ее часть, которая выражает этническую самобытность и специфику». Далее автор расшифровывает смысл этой части культуры: «речь идет о так называемой «традиционной» (народной) культуре, которая характеризуется наибольшим консерватизмом и исторической устойчивостью» [6, с. 17].

В 2009 г. вышло учебно-методическое пособие «Этнология Беларуси: традиционная культура населения в исторической перспективе» подготовленное авторским коллективом сотрудников кафедры этнологии, музеологии и истории искусств БГУ, а также сотрудников других учреждений, связанных с деятельностью кафедры. Уже в самом названии четко зафиксировано, каким образом авторы понимают предметное поле этнологии.

Особо хотелось бы обратить внимание на то, что практически во всех учебниках подчеркивается факт молодости или юности этнографии, этнологии или антропологии, что позволяет манипулировать объектом исследования или даже названием науки. А между тем, многие авторы начинают отсчет истории становления этнографических знаний с Геродота, который параллельно является признанным «отцом истории», науки, чьи «седины» ни у кого не вызывают сомнений. Отсчет национальной этнологической традиции хронологически совпадает со схожими процессами в развитии других гуманитарных наук. Речь, по-видимому, идет об активном культивировании мифа о «молодой науке» в современной этнологии (как впрочем, и в социально-культурной антропологии). Что может значить стремление омолодить науку? «Молодой науке» легче экспериментировать – многое прощается («мол, молодо-зелено»); «молодость» означает потребность в ресурсах на развитие («нам еще ох как много надо сделать»); позволяет избегать четких формулировок, дает основание для игнорирования множества дисциплинарных требований; «молодая» стадия развития и становления науки позволяет минимизировать внешний, да и внутренний дисциплинарный контроль со стороны научного сообщества.

Таким образом, можно сделать следующие выводы о развитии представлений о предмете и задачах этнологии в Беларуси:

1. Несмотря на достаточно широкие определения этнографии / этнологии, сформулированные в учебной литературе, в реальности предметное поле отечественной этнографии / этнологии в целом сводится либо к изучению традиционной культуры, либо к исследованию ее пережитков на современном этапе. В целом это можно назвать тенденцией к переходу от изучения культуры к исследованию проявлений этнического в культуре.

2. До сих пор доминирует использование устаревших «этимологических» подходов к пониманию различий между этнографией и этнологией (почему, например, географы не дискутируют по поводу описательности своей науки?). Прослеживается тенденция от описательности к аналитичности и теоретическому осмыслению в определении науки. Однако, очевидно, что реальные причины смены названий кроются в символической ценности «научного названия»: «термин «этнография» окончательно «проигрывает» право называть всю науку» [5, с. 17].

3. До настоящего времени отечественная этнография / этнология безоговорочно признается исторической наукой, что ведет за собой целый ряд конвенций с исторической наукой. В то же время, например, в соседней Польше с конца 80-х годов XX в. наблюдается процесс постепенного расхождения этнологии и истории.

4. Наблюдается консервативное отношение к определению предмета и задач в отечественной этнографии / этнологии. Это может быть обусловлено несколькими причинами: увлеченностью изучением традиционной крестьянской культуры и ее пережитков (в классическом понимании ее хронологических рамок – конец XIX – начало XX вв.); культурная и этническая монолитность Беларуси (за исключением слабоописанных этнических меньшинств) в отличие от, например, России, не позволяет актуализировать вопросы пересмотра научных подходов и парадигм, не требует сильной рефлексии от исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анучин, Д. Н. [Рец. на:] Н. Харузин. Этнография. Лекции. Вып. 1. / Д.Н. Анучин // Русск. ведомости. – 1901. – № 264. – С. 1.
2. Богданов, В.В. [Рец. на:] Н. Харузин. Этнография. Лекции. Вып. 1. / В.В. Богданов // Этнограф. обозрение. – 1902. – № 1. – С. 115.
3. Гачев, Г. Национальные образы мира / Г. Гачев. – М.: Сов. писатель, 1988. – 445 с.
4. Керимова, М.М. Жизнь, отданная науке: семья этнографов Харузиных / М.М. Керимова. – М.: Вост. лит., 2011. – 759 с.
5. Лобач, У.А. Этнаграфія Беларусі: вучэб.-метад. комплекс для студэнтаў спец. 1-21 03 01 «Гісторыя», 1-02 01 02 «Гісторыя. Замежная мова» / У.А. Лобач. – Наваполацк: ПДУ, 2006. – 328 с.
6. Лобач, У.А. Этналогія: вучэб.-метад. комплекс для студэнтаў спец. 1-21 03 01 «Гісторыя» / У.А. Лобач. – Наваполацк: ПДУ, 2009. – 132 с.
7. Могилянский, Н.М. Этнография и ее задачи (По поводу одной книги). Реферат, читанный в Антрополог. общ-ве при С.-Петербург. ун-те / Н.М. Могилянский // Ежегодник русск. антрополог. общ-ва при Император. С.-Петербург. ун-те. – СПб.: Тип. А.Г. Розена, 1909. – Т. III. – С. 101 – 114.
8. Пилипенко, М.Ф. Этнография Белоруссии: учеб. пособие для ист. фак. вузов / М.Ф. Пилипенко. – Минск: Высш. шк., 1981. – 192 с.
9. Піліпенка, М.Ф. Сучасныя тэарэтычныя праблемы беларускай этналогіі / М. Ф. Піліпенка // Этнокультурное развитие Беларуси в XIX – начале XXI в. – Минск: Изд. центр БГУ, 2011. – С. 3 – 7.
10. Преображенский, П.Ф. Курс этнологии / П.Ф. Преображенский. – М.: URSS, 2007. – 216 с.
11. Резник, Ю.М. Социальная и культурная антропология в современной России: опыт образовательной деятельности / Ю.М. Резник // Социокультурная антропология: История, теория и методология: энциклопед. словарь / под ред. Ю.М. Резника. – М.: Академ. проект, Культура; Киров: Константа, 2012. – 1000 с.
12. Харузин, Н. Этнография. Лекции, читанные в Императорском Московском университете. Вып. 1.: Часть общая. Материальная культура / Н. Харузин. – СПб.: Гос. тип., 1901. – 340 с.
13. Харузина, В.Н. Этнография. Лекции / В.Н. Харузина. – СПб.: Тропа Троянова, 2007. – 520 с.
14. Цітоў, В.С. Этнаграфічная спадчына. Беларусь. Краіна і людзі: вучэб.-метад. дапам. / В.С. Цітоў. – Мінск: Беларусь, 1996. – 208 с.
15. Широкогоров, С.М. Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений / С.М. Широкогоров. – Изд. 2-е. – М.: ЛИБРОКОМ, 2011. – 136 с.